

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ

С. Г. Боталов, А. Байоглу

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕСТОРИАНСТВА СРЕДИ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ И ЮЖНОГО УРАЛА В VI–XI ВВ.

УДК 903.26(470.5+571)

ББК 63.444(235.55+253.7)

Статья посвящена вопросу исповедания несторианства, оказавшего достаточно сильное влияние на формирование облика кочевой культуры, на менталитет не только тюркских, но и монгольских кочевников. Анализируются найденные во время археологических исследований могильника Уелги IX–XI вв. три крестовидные серебряные накладки, не имеющие аналогов в одновременных средневековых памятниках сопредельных регионов. Приведена краткая характеристика этих находок. Значительную роль в распространении несторианства среди тюркоязычного населения сыграли согдийцы, которые к тому времени колонизировали Восточный Туркестан, вели оживленную торговлю по Великому Шелковому пути. Посредством несторианства кочевники Великой Степи знакомились с культурой и религиозно-философскими мировоззрениями средиземноморской цивилизации. В статье показано, что несторианство было и политическим фактором. Особое внимание уделено вероисповеданию тюрков, игравшему значительную роль в их отношениях с другими странами, такими как сасанидский Иран, Византия, затем — с исламскими государствами. Таким образом, проникновение в IX–XI вв. религиозной символики христианства, несторианства, буддизма, манихейства — исторически обусловленный процесс становления раннегосударственных формирований средневековых кочевников. Кочевники воспринимали в основном лишь внешние формы обрядности, выполнение же требований религии было для них затруднительно, тем не менее известный языческий пантеизм кочевого сообщества не только способствовал расширению пантеона, но и предоставлял определенные внешнеполитические преференции раннегосударственным объединениям кочевников. В уелгинской ремешковой гарнитуре крестообразные накладки отражают не просто слепое заимствование символов религиозной культуры, а весьма сложный и многоплановый процесс культурно-политических трансформаций в недрах культур Центральной Азии.

Ключевые слова: древние тюрки, Центральная Азия, саяно-алтайские тюрки, несторианство

В 2010 г., во время археологических исследований могильника Уелги IX–XI вв. (Челябинская область), на территории площадки, занятой курганом № 1, в числе прочих артефактов были обнаружены три крестовидные серебряные накладки (рис. 1, 2, 4, 5). Поскольку абсолютное большинство погребений могильника было разграблено в древности, установить, к какому погребению относились данные артефакты, не удалось. К этому виду находок можно отнести еще две крестовидные и одну округлую накладку с изображением креста с лотосовидными окончаниями, обнаруженные ранее в поверхностных сборах (рис. 1, 1, 3, 6).

Таким образом, из материалов некрополя Уелги начала складываться интересная кол-

лекция крестовых символов, не имеющая аналогов в средневековых памятниках сопредельных регионов. Приводим краткую характеристику этих находок.

Крестообразная накладка (рис. 1, 1) бронзовая, литая с последующей подчеканкой. Длина по вертикали — 2,2 см (с обломанной нижней частью). Верхняя часть имеет петлю с отверстием 0,3 см. Все концы имеют округлые расширения. По краям в нижней части идет расширяющийся округлый валик шириной до 0,1 см. На обратной стороне сохранились два крепежных щитка, расположенных по краям горизонтальной части.

Крестообразная накладка (рис. 1, 2) бронзовая, литая с последующей подчеканкой. По форме напоминает предыдущую, но имеет другие размеры: 2,3 см — длина горизонтальной части и 3,1 см — вертикальной. Выполнена значительно грубее. Внешний валик фактически сливается по краям. В центре хорошо читается сферическое возвышение диаметром до 0,6 см. Верхний конец имеет петлю (диаметр отверстия — 0,5 см), горизонтальные стороны

Боталов Сергей Геннадьевич — д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН; профессор, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
E-mail: grig@csc.ac.ru

Байоглу Айхан — Памуккаленский университет (Денизли, Турция)
E-mail: a_bayoglu75@mail.ru

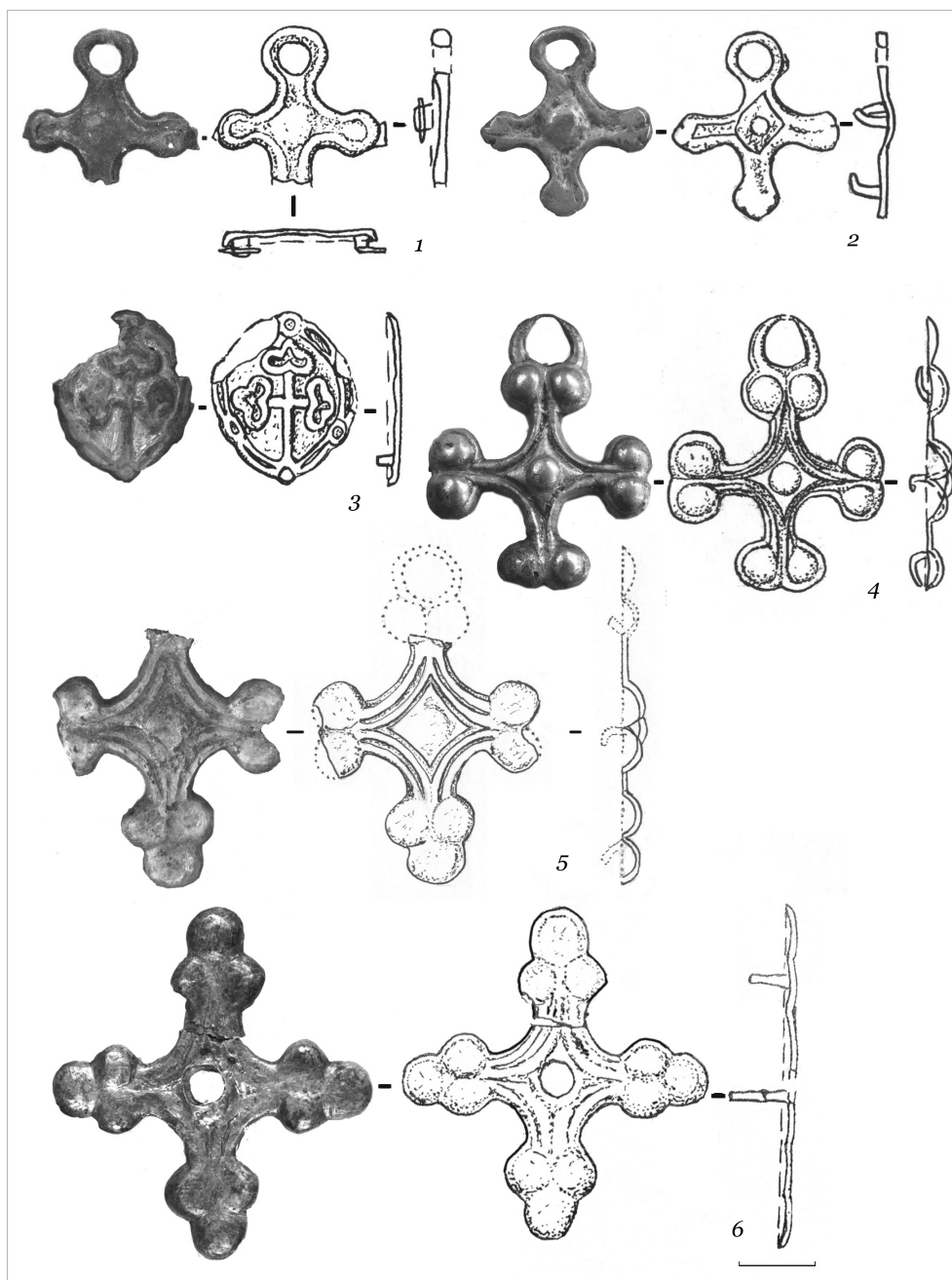

Рис. 1. Могильник Уелги.
 1, 3, 6 – подъемные сборки, 2, 4, 5 – находки сезона 2010 г. (курган № 1);
 1, 2 – бронза; 3–6 – серебро

Рис. 2. Могильник Уелги. Накладки с буддийским сюжетом, серебро

расширяются, образуя геометрическое окончание (ромб, трапеция). На обратной стороне есть три заостряющихся кверху крепежных шпенька длиной 0,4–0,5 см.

Накладка (рис. 1, 3) серебряная, изготовлена способом штамповки, округлой формы, размерами 2,2 × 2,3 см. С внешней стороны по краю имеет характерный орнамент в виде круглых розеток, соединенных между собой овальным двухрядным валиком. В центре изделия располагается крестовидное изображение размерами 1,8 см — по вертикали и 1,5 см — по горизонтали, имеющее лотосовидные трехсоставные окончания вверх и по бокам.

Крестообразная накладка (рис. 1, 4) серебряная, литая с последующей подчеканкой. Вертикальная часть — 3,8 см, горизонтальная — 3 см. На верхнем окончании петля для подвешивания, разомкнутая сверху, диаметр отверстия — 0,6 см. Все окончания имеют полусферические объемные элементы диаметром до 0,6 см. По краям центральной части креста идет хорошо оконтуренный валик шириной 0,08–0,10 см. Центр оформлен как вогнутый ромбик и имеет сходное с концевыми сферическое оформление. С обратной стороны имеется четыре крепежных шпенька длиной 0,5–0,8 см.

Крестообразная накладка (рис. 1, 5) серебряная, литая с последующей подчеканкой. Длина вертикальной части — 3,5 см, горизонтальной — 3 см. В древности были утрачены верхнее окончание и часть левого. Горизонтальные окончания оформлены в виде двух полусферических отростков размером 0,4 × 0,5 см; нижнее — в виде трех слившихся полусфер диаметром от 0,4 до 0,7 см. Центральная часть оформлена как вогнутый ромб и имеет по краю двойной валиковый бордюр и едва заметное сферическое возвышение в центре, смещенное влево. С обратной стороны сохранились три крепежных шпенька (два горизонтальных и нижний).

Крестообразная накладка (рис. 1, 6) серебряная, изготовленная способом штамповки, размерами 4,6 см по вертикали и 4,3 см по горизонтали. Концы оформлены в виде тройных слившихся полусферических выпуклостей (гроздь) различного диаметра — от 0,4 до 0,7 см. Центральная часть в форме вогнутого ромба имеет бордюр в виде двойного валика и отверстие по центру диаметром 0,5 см. С обратной стороны имеется три крепежных шпенька (верхний и два горизонтальных) длиной до 0,9 см.

Данный вид крестообразных накладок первоначально не вызвал каких-либо интерпретационных идей у авторов исследования. Однако постепенно было выявлено, что этот вид накладок более не обнаруживался в ходе раскопок 2011–2015 гг. При всем разнообразии форм и изобразительных сюжетов, которое демонстрирует уелгинская гарнитура, этот тип представлен сугубо единичными оригинальными экземплярами. Даже разграбленные комплексы, как правило, демонстрируют повторяемость отдельных типов накладок. Несмотря на очевидную функциональную принадлежность описанных накладок (наличие шпеньков с обратной стороны), вызывает вопрос наличие рудиментарного кольца для подвешивания у отдельных экземпляров. И, наконец, явное сходство по форме этих накладок с крестами с удлиненной вертикальной частью, с расширяющимися конусами, декорированными двумя или тремя полусферическими отростками, которые получают свое наиболее широкое распространение как образцы, демонстрирующие несторианские традиции, в горизонтах X–XI вв. городов Семиречья, юга Казахстана и Кыргызстана.¹

В определенной мере подтверждением того факта, что изобразительные сюжеты на ременной гарнитуре могут нести сугубо религиозные символы, явилась серия серебряных накладок с ярким буддийским символом. Они были также обнаружены в раскопах некрополя Уелги 2010 г. (рис. 2). Как уже упоминалось, основная часть этого раскопа охватывала курган № 1, на ее площадке располагалось шесть погребений. Они относились к наиболее позднему этапу существования некрополя X–XI вв. По типологическому составу артефактов основная часть предметов гарнитуры относилась к так называемой четвертой стилистической группе — Восточно-Казахской и Алтайской.² Алтайские параллели просматриваются в предметах вооружения и защитного доспеха

¹ См.: Железняков Б. А. О несторианстве Семиречья в средние века // Изв. МОН РК. Сер. общ. Алматы, 2002. № 1. С. 299–302; Григорьев Ф. П., Железняков Б. А. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины. URL: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (дата обращения: 01.05.2017); Ротт Ф. Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2005. Вып. 1. С. 44–50.

² См.: Грудочко И. В., Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–XI веках в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги // II междунар. мадьяр. симпоз. 13–15 августа 2013 г. Челябинск, 2013. С. 130–132.

(сабля, колчан со стрелами, остатки лямиярного доспеха). В погребениях № 3 и № 4 фиксировался обряд кремации, который также находит свои прямые параллели в сросткинской культуре Алтайского Приобья и связан с кыргызским населением.

О проникновении в IX–X вв. кимако-кыпчакского населения на Южный Урал неоднократно говорилось некоторыми исследователями ранее, в том числе и автором данной статьи.³

Вопрос проникновения описанных выше христианских символов на Южный Урал, как и в целом распространение христианства в Центральной Азии, является наиболее сложной проблемой истории культуры Востока.

Тюркское население Западного и Восточного каганатов познакомилось с несторианством в конце VI в. В 591 г. (тогда потерпел поражение военачальник Бахрам Чубин) в плен были взяты тюрки, которые воевали на стороне Бахрама Чубина. У многих из них на лбу был изображен крест. Этот знак рисуют по совету христиан на лбу новорожденных для отвращения различного рода болезней (прежде всего чумы).⁴ Это свидетельствует о том, что уже тогда тюрки переняли некоторые, пусть внешние, формы христианства. Митрополиту Мерва Илии (жившему в середине VII в.) приписывается честь обращения некоторых тюркских племен в христианство.

Достаточно распространенными находками в Жетысу (Семиречье) являются нательные кресты несторианства, которые были изготовлены из самых различных материалов (нефрит, серебро, бронза). Так, например, в ходе раскопок на территории поздней несторианской церкви Суяба был найден нательный крест, сделанный из нефрита. На Краснореченском городище также был обнаружен нефритовый нательный крест. Нередко находки подобного рода попадают в казахстанской части Чуйской долины (в частности,

на верхней террасе реки Аксу была найдена подвеска из нефрита).⁵ Расположение Жетысу и всего Южного Казахстана поблизости от Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока во многом обусловило достаточно тесное взаимодействие указанных регионов как в политическом, так и в культурном и религиозном плане. Огромную роль в распространении религий в средние века играл Великий шелковый путь, который в VI–VII вв. переместился в своем северном направлении на территории Семиречья и Южного Казахстана. Распространение христианства в данном регионе происходило наряду с иными вероучениями: различными видами язычества, зороастризмом, манихейством, буддизмом.⁶

Как известно, значительную роль в распространении несторианства среди тюркоязычного населения сыграли также согдийцы, которые к тому времени колонизировали Восточный Туркестан, вели оживленную торговлю по Великому шелковому пути.⁷ Служба в несторианской церкви проходила только на сирийском языке, однако религиозная проповедь велась на местном языке. Священные книги и другая религиозная литература также активно переводились на местные языки, что облегчало понимание тюрками догматов христианской религии. Проникновению христианства в среду кыргызской аристократии способствовал конфликт енисейских кыргызов с уйгурским каганатом. С 764 г. манихейство официально стало религией уйгурского каганата. Оказавшись у власти, манихейское духовенство стало достаточно нетерпимо относиться к иным культам. Это привело к тому, что кыргызы обратились к христианству, которое, в свою очередь, выступало в качестве идейной основы военного союза с карлуками. Следует отметить, что известными достаточно широко в настоящее время являются некоторые стелы, на которых имеются надписи енисейских кыргызов VIII–IX вв. вместе с крестами. Встречаются также на енисейских скалах изображения несторианских священников. Христианское вероучение повлияло и на обряд погребения: кыргызы заменили кремацию на ингумацию.⁸ Однако можно сделать вывод о поверхностном

³ См.: Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 94–104; Он же. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 63–72; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М., 1981. С. 130, 131; Боталов С. Г. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Минко Н. К. и Гацука С. А.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 105–110; Он же. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1998. С. 126–141.

⁴ См.: Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. М., 1984. С. 121–137.

⁵ См.: Железняков Б. А. Нефритовая подвеска... С. 17.

⁶ Железняков Б. А. О несторианстве... С. 297.

⁷ См.: Zeki Velidi Togan, Bugünkü Türk. İli Türkistan ve Yakın Tarihi. İstanbul, 1981. С. I. S. 94.

⁸ См.: Кляшторный С. Г. Историко-культурное значение суджской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

влиянии христианства на культуру енисейских кыргызов, поскольку никаких следов его в верховьях Енисея уже к концу IX в. не осталось. Следует отметить, что в 840-е гг. буддизм, а также христианство постепенно вытеснили манихейство. Что касается уйгуров, то они перекочевали на территории Кучи, Карашара, а также Турфана, где происходило их постепенное смешение с коренным населением. Появившееся новое объединение получило наименование Уйгурии.

Со второй половины VIII в. несторианство становится инструментом политической борьбы среди племен и государственных образований тюрков: карлуки и енисейские кыргызы используют несторианство как базу для союза в борьбе против уйгуров-манихеев. Оплотом несторианства среди тюрков продолжает оставаться оседлое население Саяно-Алтая, часто иноплеменное (согдийцы, сирийцы, персы — жители торговых факторий и городов).

Приблизительно с X–XI вв. можно говорить о новом этапе в развитии восточного христианства. Для указанного периода характерно проникновение западного несторианства в Восточный Туркестан, что было вызвано расцветом сирийской христианской культуры на Западе, затем последовал приток ближневосточных христиан в Центральную Азию. По мнению Л. Н. Гумилева, принесенное кочевыми народами несторианство в период формирования новых кочевых государственных объединений явилось неким оформлением общего идеологического фронта против мусульман на западе и против Китая на востоке.⁹

Sergey G. Botalov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: grig@csc.ac.ru

Ayhan Bayoglu

University of Pamukkale (Turkey, Denizli)
E-mail: a_bayoglu75@mail.ru

THE DISTRIBUTION OF THE NESTORIAN CHRISTIANITY AMONG THE TURKIC SPEAKING NOMADIC GROUPS OF THE SAYAN-ALTAI AND THE SOUTHERN URAL REGIONS IN THE 6th–11th CENTURIES

The subject of the article is the Nestorian Christianity creed, which had a strong influence on the formation of the nomadic culture appearance, as well as the mentality of both the Turkic and the Mongol nomadic groups. The object of the study were the discovered during the archaeological studies of the 9th–11th century burial site Uelgi three cross-shaped silver plates which had no analogues in

⁹ См.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 106, 107.

Что касается происхождения уелгинских находок, то здесь уместно сделать два предположения. Либо эта традиция крестообразных накладок возникла в среде алтайского кимако-кыпчакского населения и указанные археологические находки поступили вместе с представителями этих кочевых народов, либо кочевое население Южного Урала, будучи достаточно тесно связанным с Южным Казахстаном (в рамках своего хозяйственного кочевого цикла), заимствовало эти несторианские символы, контактируя с населением Семиречья, Таласа, Отрара и др.

Таким образом, проникновение в IX–XI вв. религиозной символики христианства (несторианства), буддизма и манихейства — исторически обусловленный процесс становления раннегосударственных формирований средневековых номадов. Хотя необходимо заметить, что кочевники воспринимают, скорее всего, лишь внешние формы обрядности, так как выполнение требований новой для них религии затруднительно. Тем не менее, известный языческий пантеизм кочевого сообщества не только способствовал беспредельному расширению пантеона, но и предоставлял определенные внешнеполитические предпочтения раннегосударственным объединениям номадов. Вероятнее всего, в уелгинской ременной гарнитуре крестообразные накладки отражают не просто слепое заимствование символов религиозной культуры, а весьма сложный и многоплановый процесс культурно-политических трансформаций в недрах культур Центральной Азии.

the contemporaneous sites of the neighboring regions. A brief description of the finds was provided. A significant role in the Nestorian Christianity distribution among the Turkic speaking population was played by the Sogdians who by that time had colonized Eastern Turkestan and were engaged in active trade along the Great Silk Road. The Nestorian Christianity introduced the nomads of the Great Steppe to the culture and the religious and philosophic ideas of the Mediterranean civilization. The article demonstrates that the Nestorian Christianity was also a political factor. A particular attention is paid to the Turkic groups religious beliefs, which played a significant role in their relations with other countries including the Sasanian Iran, Byzantium, and later the Islamic states. Thus the penetration during the 9th–11th centuries of the religious symbolism of Nestorian Christianity, Buddhism, Manichaeism — was an historically predetermined process of the early state formations evolution of the Medieval nomads. The nomads mostly assumed only the external ritualism, whereas it was difficult for them to follow all the rules of the religion, nonetheless, a certain heathen pantheism of the nomadic community in addition to the expansion of the pantheon also provided some foreign policy preferences to the early state formations of the nomadic communities. In the Uelgi belt fittings the cross-shaped plates reflected more than just a blind borrowing of the religious culture symbols, but rather represented a quite complicated and multidimensional process of cultural and political transformations in the depth of the cultures of Central Asia.

Keywords: *Ancient Turks, Central Asia, Siano-Altai Turks, Nestorian Religion*

REFERENCES

- Botalov S. G. [The cultural-chronological affiliation of the Sineglazovsky burial mounds]. *Problemy arkheologii Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Problems of archaeology of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 1988, pp. 126–141. (in Russ.).
- Botalov S. G. [The mound near Lake Sineglazovo (excavated by N. K. Minko and S. A. Gatsuk)]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekove Uralo-Irtyshskogo mezhdurechya* [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 1987, pp. 105–110. (in Russ.).
- Grigorev F. P., Zheleznyakov B. A. *Nefritovaya podveska s krestom iz Chuyskoy doliny* [Jade suspension with a cross from Chui valley]. Available at: <http://vedikz.narod.ru/zheleznyakov/podveska.htm> (accessed: 01.05.2017). (in Russ.).
- Grudochko I. V., Botalov S. G. [Ethnocultural situation in the Southern Trans-Urals in the 8th–11th centuries in the light of new data on the research of the Uelgi]. *II-y mezhdunarodnyy madyarskiy simpozium* [2nd International Magyar Symposium]. Chelyabinsk: Rifej Publ., 2013, pp. 101–139. (in Russ.).
- Gumilev L. N. *Poiski vymyshlennogo tsarstva* [The search for a fictional kingdom]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1970, 432 p. (in Russ.).
- Klyashtornyy S. G. [The historical and cultural significance of the Sudzhinsky inscription]. *Problemy vostoovedeniya* [The Problems of Oriental Studies], 1959, no. 5, pp. 162–169. (in Russ.).
- Mazhitov N. A. *Kurgany Yuzhnogo Urala v VII–XII vv.* [Mounds of the Southern Urals in the 7–12th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 166 p. (in Russ.).
- Nikitin A. B. [Christianity in Central Asia (antiquity and the Middle Ages)]. *Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya, kultura, svyazi* [Turkestan and Central Asia. History, culture, connections]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1984, pp. 121–137. (in Russ.).
- Rott F. G. [Crosses and their fragments from the southeastern Semirechie]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and research on archaeology of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilym Publ., 2005, iss. 1, pp. 44–50. (in Russ.).
- Savinov D. G. [On the main stages of the development of the ethnocultural community of the Kypchaks in the south of Western Siberia]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sibiri* [History, archaeology and ethnography of Siberia]. Tomsk: TomGU Publ., 1979, pp. 63–72. (in Russ.).
- Savinov D. G. [Settlement of Kimaks in the 9–10th centuries. according to archaeological sources]. *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* [The past of Kazakhstan in archaeological sources]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1976, pp. 94–104. (in Russ.).
- Zeki Velidî Togan, Bugünkü Türk. *İli Türkistan ve Yakın Tarihi* [History of Turkestan]. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1981, vol. 1, 486 p. (in Turkish).
- Zheleznyakov B. A. [About the Nestorianism of the Semirechie in the Middle Ages]. *Izvestiya Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan* [News of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan]. Almaty: Gylym Publ., 2002, no. 1, pp. 296–307. (in Russ.).